

ПРОСТРАНСТВО НАЧИНАЕТСЯ С РИТМА

Независимая газ. — 1993 — 29 дек. — с. 7.

Театральный художник — особая специальность

Ирина Глущенко

Зеркало

ЮРИЙ ГАЛЬПЕРИН работал как театральный художник в Ростове-на-Дону, потом в Иркутске. Последние пять лет сотрудничал в воронежском ТЮЗе с режиссером Михаилом Бычковым. Среди его спектаклей — «Каштанка», «Палата № 6», «Гамлет», «Калин». Потом была комедия Аристофана «Женщины на празднествах Фесмофрий» в Театре имени Станиславского, режиссер (Валерий Саркисов).

«Все сочиняется вместе. Как рождается затея? Мы с режиссером Валерием Саркисовым посидели в театре, посмотрели площадку — площадка очень специфическая: маленькая, узенькая, сцена высокая. И из Греции получила какая-то Азия. Она была в костюмах, в декорациях, в орнаменте — по цвету, по сочетаниям — восточным. Пока я работал, у меня все какие-то чадры и паранджи перед глазами стояли. Минимум декораций, и при этом — большие костюмы, несущие в себе объем. Они тоже играли роль декораций. Этот спектакль замыслился красиво, но потом многое было изменено. Жаль.

Я работаю с грузьями. С теми, кого давно знаю. С Бычковым мы грузья детства. Саркисов — тоже мой давний знакомый. Женовача знаю еще по Краснодару».

Произошло это счастливое соединение: Сергей Женовач — Юрий Гальперин, которое дало «Короля Лира», «Мельника», «Пучину», «Лешего». Они прекрасно дополняют друг друга. Женовач — эмоциональный, открытый, афористичный, Гальперин — медлительный, немногословный, замкнутый. Оба они наделены сходным предчувствием, осязанием, прозрением. Поистине, блестятельное содружество.

«Это случилось не сразу. Мы начинали еще «Панночку». Принялись сочинять, но я должен был ехать в Иркутск. А позже, когда я уже работал в Воронеже, Сергей нашел меня и предложил делать «Лира». Работали мы чудовищно долго. У нас было вариантов четыреста, из каждого можно сделать целый спектакль. Брежливый: шубы, снег. Шубы возникли сразу же, от зимы, хотелось, чтобы не было головных уборов — открытые волосы, чистые лица. Декорация менялась — она была то высокой, то маленькой, очень разной. Были доски, кабишки, два этажа, настил. Но постепенно конструкция все упрощалась, и вылилась вот эта форма — квадрат, меняющаяся конфигурация из пяти резных брусьев и четырех оснований. По углам лежат бархатные подушечки. Красные, а я хотел еще и синие. Но Женовач сказал: «Зрители подумают, что это ринг — синий угол, красный угол. Критики начнут соображать — ни за что!» И опять Азия — не знаю, откуда она появилась, — она возникла в резьбе. Хотя когда я приехал в Ирландию и увидел их резьбу, удивился — попадание было очень точное.

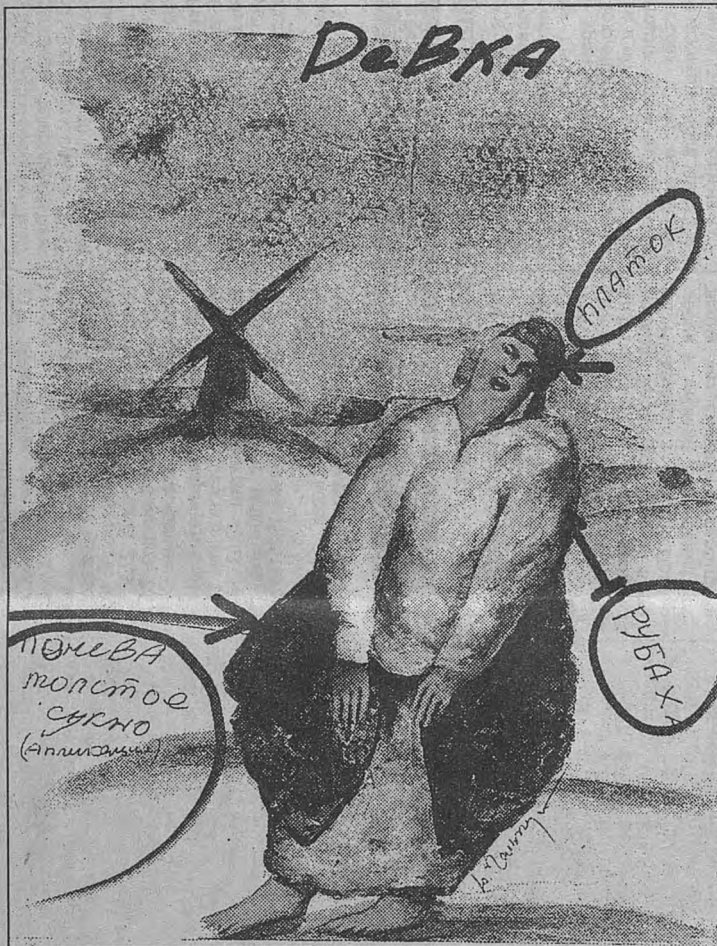
Король Лир — Сергей Качанов — сам строил свое государство. Сам делал резьбу на бревнах. Декорация в «Лире» сделана фактически руками его создателей. Эскизов почти не было — были картинка, которые вдохновляли и режиссера, и художника, и артистов.

«Мы знали: декорация должна быть из губа, во-первых, грубые породы гнулись бы, а во-вторых, решили так: если меха — так уж и резной губ. Если меха и резной губ — то должны лежать ковры, тоже с легким азиатским налетом. Потом из спектакля ушли некоторые детали: попоны, шатры. Они создавали эффект средневековой миниатюры — большие люди, небольшие шатры — обратная перспектива, нарушение масштаба... Мы рассчитывали, что зрители будут сидеть с трех сторон, хотели даже посадить их на сцену... Затем возник амфитеатр, на котором расположились зрительские места, и стена».

по движениям. Пространство начинается с движения и ритма. И от этого отталкивались и здесь искали эпоху, национальное. Мне ясен ритм «Пучины» — и я могу вывешивать салфеточки, голубей. Мне ясен ритм «Жизни игрока» — и я даю это чистое пространство с открытым окном, пожаром, несущимися женскими платьями, развеваящимися волосами...»

У всякой пьесы есть свое пространство. Сопряжение пространства пьесы с пространством данной сценической площадки, пожалуй, — одна из основных задач театрального художника.

В спектакле «Мельник — колдун, обманщик и сват» возникла многоуровневая вертикаль. Что это?

Ю. Гальперин. Эскиз костюма к спектаклю «Мельник — колдун, обманщик и сват».

Потом была «Пучина» Островского и «Тридцать лет, или Жизнь игрока» Дюканжа и Дино — два спектакля в одном, два театра, два театральных мышления.

«Мы долго мучились с «Пучиной». Я нарисовал кучу картинок, некоторые были совершенно ужасные, и потом мы договорились с Сергеем, что обязательно нужны ширмы. Позднее мы прерывали их в так называемый прыгунчик — ширму, собранную из звеньев, она то сгибается, то разгибается, по-разному заполняя пространство сцены. Потом родилось звание и занавес. То есть получилось три пространства. Одно — зыбкое, ведь ширма меняет площадку совершенно произвольно, предлагает массу вариантов для мизансцен. Потом занавес кирпичного цвета, рассекающий сцену пополам, и это звание.

Женовач сказал мне: «Купцы иногда красили заборы в коричневый цвет». «Отлично», — подумал я, и так возник этот фон — багровый забор-занавес.

«Возникает свободная игра Дюканжа, почти без сиючасных мизансцен, все время на ногах, и это — закоулками — пространство «Пучины». Две стихии, по ритму,

Сутробы, крыши домов или холмы, покрытые снегом? Снег, от которого тепло, уютно. Такие большие сутробы бываю только в детстве.

«Сначала все было в плоскости: гигантская мельница, движущиеся снопки. А потом нарисовалась картинка — мельница, двор, домики. Сразу же появилось движение вверх. Чья это была идея? Пожалуй, я нарисовал. Но я вообще не разделяю, кто что придумал. Потом уже появились горы из подушек.

Костюмы в «Мельнике» должны быть простыми. Это нужно было решать наивно, без всяких открытий. Салон — так салон, рубаха — так рубаха, шапка — так шапка. Вот только с Мельником немного пошутили — все сделали ему из меха: и шапку, и жилет, и тулуп».

Сколько делалось декораций к чеховским пьесам! С Шекспиром легче: у него театр условный, постановщики вольны делать все, на что хватит их воображения. Драматургия Чехова гораздо более конкретна, зритель ждет чего-то привычного, а этого как раз не должно быть.

«Сергей сказал: «Давай, будет веранда». Мы начали ее сочинять.

Сначала мы хотели снять порталы, сорвать половики и поместить декорацию в совершенно голую, граную коробку. Потом решили закрыть все черным и в это черное пространство поставить наш корабль-веранду.

С костюмами решали по сценкам. Первое действие — лето, свет, день рождения, все окна горят. Второе — ночная сцена; когда куتاются в одеяла, в третьем, где стреляется дядя Жорж, костюмы строгие. Последнее — пикник, когда морось, пальто какие-то, женщины в какичках».

Все это связано и с ритмом, и с пространством. В каждом действии «Лешего» происходит смена ритма, смена атмосфер.

«Эскизы костюмов я писал, как дагерротип. Вот только розовая кофточка у Елены Андреевны, ну это, как фотографии, протирала разными красками, ретушировала...»

Гальперин — человек, который мыслит мазками. Он не любит говорить и объяснять, но все становится на свои места, как только он берет в руки карандаш.

«Я считаю, что выработался. Вот после сдачи появится недовольство. Через какое-то время придет то самое лучшее, которого уже не будет. Я очень хотел освободиться от этой работы. Ведь я делаю параллельно «Лешего» и Три сестры». Так что я в Чехове завяз глухо. Эти пьесы разные совершенно; в одной распад класса только начинается, в другой заканчивается. Там уже не сами стреляются, а убивают, а остальные позволяют свершиться этому убийству. Там полная безнадежность».

В марте 1994 года Сергей Женовач выпускает «Три сестры» в норвежском городе Мольде. Художником спектакля вновь будет Юрий Гальперин.

«Там не сцена, а сценическая комната, пространство игры — в середине, а зрители помещаются с обеих сторон — справа и слева. Деревянные телеграфные столбы, а внутри — стол, диван, картины, кровати раскладные, походные. Турничок, на котором Тузенбах может подтянуться, потом там повисает люлька, потом — качельки. Замечательно, когда вещь имеет свою историю в спектакле. На столбах натянута тент. Как будто взяли какое-то пространство, натянули потолок и стали жить под ним. В финале этот тент опадает, и получается какая-то дорожка в стену — с одной стороны и с другой. И полк уходит. Уходят мужчины, а женщины остаются. И вещи все стаскиваются в один угол».

Театральный художник — особенная специальность, нужно организовать пространство физическое, на котором действуют живые люди. Мир подвижный, переменчивый, но обязательно со своей внутренней логикой. Но вот работа закончена. И что дальше?

«Сейчас я займусь живописью, я же пишу картины. Недавно была моя выставка в Ирландии. Хочу дописать еще несколько работ. Материал у меня разный: масло, мелки. Пока хочется чего-то яркого, цветного. А потом, может, опять захочется сделать какую-то очень строгую, очень внимательную вещь. Любимый цвет? Все цвета хороши, все зависит от касания, плоскости, пространства».